

УЮТНЫЙ
РОМАН

Матьяна
Трошина

УЮТНЫЙ РОМАН

Пышечка

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т73

Оформление серии *А. Аверьянова*

Редактор серии *А. Самофалова*

В оформлении обложки использована фотография:
© jreika / Shutterstock.com;
Иллюстрация в марке серии: © mis-Tery / Shutterstock.com;
Фрагмент шрифтового оформления в дизайне обложки:
© zapolzun / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Тренина, Татьяна Михайловна.

Т73 **Пышечка** : роман / Татьяна Тренина. —
Москва : Эксмо, 2022. — 320 с.

ISBN 978-5-04-165020-9

На первый взгляд у Маргариты всё в жизни складывается как нельзя лучше: есть и любимая работа, и красавец-жених по имени Лев. Правда, друзья Льва не в восторге от его пассии. Мог бы найти девушку и постройнее, считают они. Но сама Рита из-за лишнего веса ни капельки не унывает. Даже когда в кафе к ней цепляется нахальная незнакомка с поучениями о том, что не стоит позволять себе десерты. Случившееся оказывается для Риты поворотной точкой, открывшей путь к истинному счастью и настоящей любви.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Тренина Т., 2022
© Оформление.

ISBN 978-5-04-165020-9

000 «Издательство «Эксмо», 2022

Двадцать четвертого апреля, в час дня, термометр за окном показал ровно двадцать четыре градуса тепла. Забавное совпадение... Двадцать четвертого — двадцать четыре. Почти летняя температура!

Надо, пожалуй, в обед съесть мороженого — тут же, стоя у окна в своем рабочем кабинете, спонтанно решила Рита. И не потому так решила, что числа на календаре и на термометре совпали (можно подумать, знак!), а потому, что, оказывается, уже почти лето. Лето, которого девушка столько ждала.

Ведь лето — это, во-первых, любимое время года, когда день длиннее ночи и не надо кутаться в сто одежек. Влезла в платье и побежала навстречу солнцу...

Лето, во-вторых, самое красивое время года, поскольку летом все цветет, и она, Рита, как старший научный сотрудник ботанического сада в городе Терлецке (что недавно стал частью Москвы),

имела к цветению растений самое прямое отношение.

И, в-третьих, самое-то главное — этим летом Рита должна выйти замуж. За самого красивого мужчину в Терлецке, между прочим.

Конечно, никто мужского конкурса красоты в их небольшом городке не проводил, но если бы такой все же случился — победителем наверняка выбрали бы Льва, жениха Риты. То и дело слышалось со всех сторон, и в шутку, и всерьез, изредка от мужчин, но чаще от женщин, конечно: «Лев Дмитриевич, вы просто красавец!», «Лёвушка, тебе бы в кино сниматься!», «Лёва, блин, с тобой ходить невозможно, все девушки только твои...», «Мужчина, это не вас недавно в рекламе по телевизору показывали?», «Лев, скажите, как вам удается держать такую форму, поделитесь секретом? А можно я своего мужа к вам на тренировки запишу?».

Жених Риты работал тренером в местном фитнес-центре, и основными клиентами Льва являлись дамы. Их, словно мух на варенье, так и тянуло к подтянутому, безупречно лощеному, но в то же время натурально мужественному красавцу, с хорошо прорисованными «кубиками» на животе...

Рита не ревновала его. Вернее, ревновала, конечно, но уже не сходила с ума от ревности, научилась с иронией относиться к популярности будущего мужа у женского пола. Это ведь его хлеб, в конце концов, — безупречная фигура, лицо, на-

поминающее лица многих киноактеров сразу. Поэтому женщины так рвутся записаться на занятия именно ко Льву Ленину, а не к какому-то другому тренеру.

Рита однажды наблюдала, проездом, из маршрутки: бежит по городу группа дам разного возраста в направлении лесного массива, все в элегантных спортивных костюмах, а впереди — Лев, весь такой серьезный и строгий. Остановились толпой у светофора. Загорелся зеленый — Лев, стоя посреди перехода, пропустил всех дам на другую сторону, подобно регулировщику передавая знаки автомобилистам: не трогайтесь, мол, с места, пусть и «красны» уже загорелся...

— Я тебя сегодня видела, — со смехом призналась потом жениху Рита. — Тебя и толпу твоих почитательниц. Бежали к лесу, и ты мужественно прикрывал их от автомобилей.

— А, это мы на тропу здоровья сегодня направлялись, — меланхолично кивнул Лев. — Но вот ты смеешься, а ведь на мне ответственность, чтобы эти курицы под колеса не попали! Знаешь, по отдельности вроде нормальные, умные женщины, а как соберутся вместе, и соображать перестают...

Именно с тех пор Рита поняла, что Лев относится к окружавшим его особам с терпеливой снисходительностью. Они не женщины для него вовсе, а просто клиентки. А любил он лишь ее одну, Риту. Любил столь сильно, что был готов надеть себе на шею ярмо брака.

Да, ярмо... Конечно, грубое и жестокое сравнение, может быть, и неуместное даже, — но как иначе обозначить степень несвободы для красивого, избалованного женским вниманием мужчины? И достаточно молодого причем — Льву всего лишь тридцать три года, по нынешним временам мог бы и не торопиться с женитьбой.

...Рита заперла свой кабинет, вышла из домика, служившего административным зданием (на двери табличка с незамысловатым названием ботанического сада-музея — «Эдем»), и мимо грядок с разноцветными кудрявыми гиацинтами направилась к цветочному магазину.

На территории ботанического сада располагался и магазин цветов — там в основном торговали саженцами, растениями в горшках, которые выращивались в оранжерее специально для продажи. Но на двери, ведущей в магазин, висело написанное от руки объявление: «Закрето». Значит, Марина, продавщица в цветочном и она же близкая подруга Риты, уже куда-то убежала...

Во внутреннем двореке магазина находился еще и обширный вольер. В нем жил енот-полоскун Сёма — безудержный хулиган, воришка, обжора, вредитель и всеобщий любимец. Увидев Риту, Сёма жалобно заверещал, заметался за железной решеткой. Рита подошла ближе, Сёма потянулся к ней сквозь прутья черными, изящными, почти человеческими лапками.

— Ты попрошайка, Семен, — строго покачала головой Рита. Достала из кармана платья сушку, протянула ее еноту. Марина, являвшаяся по совместительству «матерью» зверька, давно проинструктировала свою подругу: печенек Сёме не давать, у него и так ожирение, похоже, а вот сушки можно.

Енот схватил сушку и принялся ее сосредоточенно грызть. «Голодный, наверное, — жалостливо подумала Рита. — Обычно он еду в своем корыте размачивает, а тут сразу накинулся... Дове-дет его Маринка своей диетой! И куда она пропала, интересно?»

Но ждать подругу Рита не стала (обеденное время не резиновое!), вышла через калитку в город и направилась к ближайшему кафе. А там, оказывается, уже открыли летнюю веранду. Возможно, даже только что: столики — идеально чистые, вокруг них аккуратно расставлены пластиковые стулья.

Рита села с краю, у свежеекрашенного низкого заборчика — с этого места было видно всю улицу.

С крыльца спустилась молоденькая официантка:

— Здравствуйте! Вот меню, пожалуйста...

— Не надо меню, — важно произнесла Рита. — Вы мне лучше дайте мороженого. Знаете, такого, шоколадного. С прошлого лета его не пробовала. Шарика три. И все, больше ничего не на-

до. Счет только сразу принесите, хорошо? А то у меня обед, задерживаться нельзя.

Официантка просияла понимающей улыбкой, кивнула и застучала каблучками обратно по ступенькам.

Рита откинулась назад, на спинку стула. Солнце грело затылок, и ветра почти не ощущалось. Томное, невесомое тепло льнуло к ее телу со всех сторон... Рядом в окутанных зеленой дымкой кустах весело шумели воробьи.

«Интересно, кого назначат директором нашего сада? Говорили, сегодня станет известно... — задумалась Рита. Потом мысли ее внезапно метнулись в другую сторону: — А, и надо домой ко Льву зайти в ближайшее время, обсудить детали банкета! Только чтобы и Варя, и Софья Петровна тоже присутствовали при обсуждении, а то они обижаются...»

Варя являлась родной младшей сестрой Льва и бывшей одноклассницей Риты, а Софья Петровна была матерью Вари и Льва. И Варя, и Софья Петровна активно участвовали в организации грядущей свадьбы. К Рите, которую они знали с детства, будущие родственницы относились очень хорошо.

— Вот, прошу. — Официантка принесла мороженое в большой креманке, рядом с ней на стол положила счет в кожаной книжке.

Рита сразу сунула в книжку купюру, придвинула к себе креманку:

— Спасибо, сдачи не надо.

— Спасибо вам! — Официантка, все так же сияя улыбкой, подхватила книжку под локоть и исчезла за дверями кафе. Рита осталась на летней веранде одна.

...Мороженое оказалось *правильным*. То есть именно о таком и мечтала Рита. О мягком, густом пломбире, в котором наполнитель не горьковатый и резкий из-за большого количества какао, а бежево-розовый на вид и умеренно-шоколадный на вкус, нежный. А еще прохладное лакомство было без дурацких, ненужных добавок. Ни орешков в нем, ни кусочков печенья, ни шоколадных крошек, которые, по мнению Риты, только мешали, отвлекая от основного вкуса...

Лето и мороженое. Тепло снаружи и прохлада на языке. Уютные воспоминания детства и счастливое будущее. Рита черпала ложкой мороженое, клала его в рот и чувствовала, что глаза ее непроизвольно жмурятся от удовольствия.

Неподалеку за забором легкой тенью мелькнула, проходя мимо, тоненькая молодая женщина в белом мини-платье и легком сером плащике нараспашку. Она мельком глянула на Риту. Волосы у прохожей коротко стриженные, белого цвета, с темно-пепельными корнями, со лба же сбоку спускалась длинная прядь — челка, закрывающая половину лица и опускающаяся вниз острым углом. Лихая и в то же время очень женственная прическа. Женщина-травести. Такие обычно играют в театральных постановках мальчишек...

«Травести», оказавшись в конце забора, вдруг резко развернулась и направилась обратно все той же невесомой, стремительной походкой.

Рита тем временем находилась как раз в самой середине процесса поедания мороженого, когда оно достигает апогея своего вкуса — еще плотное, но уже лишившееся ледяной твердости.

«Травести» остановилась напротив Риты. «Мы с ней знакомы, что ли? А, наверное, видела меня на экскурсии... Я-то всех посетителей не помню, а они меня — да, часто на улице подходят. Только чего она такая мрачная?» — лениво подумала Рита. Она, будучи сотрудницей ботанического сада, почти каждый день проводила там экскурсии для посетителей. Поэтому Рита ничуть не удивилась вниманию прохожей; облизнула ложку и произнесла приветливо:

— Добрый день.

Незнакомка молчала, продолжая внимательно смотреть на Риту. Откинула коротким привычным жестом челку с лица. И, пожалуй, в огромных светло-серых глазах незнакомки засветилось нечто недоброе. Осуждение, что ли?

— Простите, вы на меня так смотрите... Мы знакомы? — опять приветливо произнесла Рита.

— Нет, мы не знакомы, — красивым, нежным, каким-то даже кукольным в тон ее внешности голосом произнесла «травести». — Я вас в первый раз вижу. Но это ужасно, послушайте...

— Что ужасно? — испугалась Рита и даже оглянулась на всякий случай — вдруг за ее спиной творится нечто ужасное, а она этого не замечает. Но сзади ничего особенного не наблюдалось. Павильон, пустые столики...

— Вы понимаете, что вы делаете? — строго спросила незнакомка.

— Что? — насторожилась Рита.

— Вы едите мороженое. Вы, при вашей комплекции. Как можно! Я бы на вашем месте одну пустую воду пила, пока вес не сбросила бы... А вы — едите мороженое! — в тоненьком голосе незнакомки зазвенел металл.

«Сумасшедшая, — устало подумала Рита. — Хотя в чем-то она права. Но я же раз в год себе это мороженое позволяю! Стоп, а я что, уже оправдываюсь, чувствую себя виноватой?»

— Я учту ваше замечание, — спокойно произнесла Рита. Она надеялась, что уличный разговор с незнакомкой будет на этом закончен.

Но нет, проходя и не думала униматься:

— Как можно так распусться... Сколько вы весите? Килограмм девяносто?

— Восемьдесят, — спокойно ответила Рита. На самом деле она немного округлила это число, в ней на данный момент было восемьдесят два килограмма.

— Восемьдесят?! Да это почти две меня. Послушайте, но это же отвратительно для женщины,

для молодой девушки — набрать такой вес, ведь не за один день вы поправились, да?

— Не за один. Но, послушайте, приставать к незнакомым — это тоже ужасно, разве нет? — вежливо произнесла Рита.

— А кто вам еще скажет правду!

— Послушайте, я знаю правду. И... идите отсюда, ладно? — миролюбиво произнесла Рита.

— Вас же никто замуж не возьмет, — тем временем продолжила незнакомка, все таким же непреклонным тоном. — Кому нужна такая толстая жена?

— Вас так моя личная жизнь беспокоит? — пожала плечами Рита. Она старалась вести себя невозмутимо, но внутри у нее внезапно закипело. — У меня все в порядке. Я скоро замуж выхожу, между прочим.

— Это ничего не значит! Думаете, ваш брак долго продлится? И не надейтесь! Муж вас бросит. Бросит, вы понимаете?! Потому что невозможно жить рядом с горой жира.

Рита всегда считала себя неконфликтным человеком, легким и веселым. Но тут странным образом незнакомка словно разбудила в ней зверя. Она, Рита, — гора жира?! И Рита сделала то, чего никак от себя не ожидала — она взяла и... бросила. Бросила мороженое в незнакомку. Именно так — Рита схватила в руку креманку, словно олимпийский факел, и швырнула ее содержимое через забор. Прямо в лицо белобрысой хамке.

Мороженое залепило молодой женщине лицо, а затем быстро потекло вниз, растекаясь густыми коричневыми ручьями по белому платью.

Рита даже не ожидала, что окажется столь меткой. «Мамочки, что же я натворила... — испуганно подумала она, глядя на то, как «травести», стоя за забором, ладонями пытается смахнуть с ресниц шоколадную жижу. — Но с другой стороны, а почему я должна была терпеть чьи-то бесцеремонные приставания?!»

— Ах ты, наглая корова... — простонала плачущим голосом незнакомка. Разлепила наконец веки, заморгала. Принялась уже машинально ладонями смахивать с платья потеки мороженого... Впрочем, это мало помогло делу — мороженое лишь еще сильнее размазывалось по белому платью, темными каплями шлепалось вниз, на светлые туфли молодой женщины. — Толстое чудовище... ты у меня за всё заплатишь! Я тебя в тюрьме сгною... у меня муж юрист, мы тебя посадим...

Незнакомка испачканными пальцами полезла в сумочку, достала оттуда мобильный телефон.

Рита растерянно наблюдала за тем, как женщина пытается набрать чей-то номер, а телефон скользит в ее пальцах... Наконец незнакомке удалось это сделать, и она прижала испачканный мобильник к уху:

— Алло. Евдоким? Ты где? Срочно ко мне... У меня беда. Напали, посреди бела дня... Нет, я не шучу! То кафе, на углу, мы в нем на прошлой не-

деле сидели, помнишь? Да, да... Вот тут это и случилось. Беги скорее, я тебя умоляю!

Рите стало совсем не по себе. Это что же такое получается, сейчас сюда еще какой-то Евдоким прибежит? Рита беспомощно оглянулась на сам павильон, что располагался сзади — возможно, внутри самого кафе, из его окон кто-то наблюдал за происходящим? Но нет, окна занавешены белой кисеей, даже непонятно, сидит ли кто в зале... А официантка, судя по всему, и вовсе забыла о Рите. Ну да, заказ выполнен, расчет произведен, ни о чем не надо больше беспокоиться...

Рита тоже достала свой мобильник из сумочки, но сделала следующее — включила функцию видеозаписи, и направила камеру на незнакомку за забором. Может, хоть это поможет как-то избежать неприятностей? Наверное, с самого начала надо было зафиксировать весь этот скандал на видео...

— Ты что делаешь? Что делаешь, а?! — еще сильнее распсиховалась миниатюрная блондинка.

— Как что, — пожала плечами Рита. — Пытаюсь записать вашу ругань на телефон. Вы ко мне приставали, провоцировали.

— Я? Это ты ко мне первая полезла, это ты в меня мороженым кинула... Ах ты...

«Травести» схватилась обеими руками за забор, попыталась перекинуть через него ногу. «Только драки не хватало!» — с тоской подумала Рита, продолжая фиксировать происходящее на видеокамеру своего телефона.

Женщине удалось перелезть через забор, и она кинулась к Рите. Рита вскочила, подвинула пластиковое кресло прямо под ноги своей преследовательнице, обежала стол.

«Травести» кинулась влево, Рита — от нее, вокруг стола. В этот момент неподалеку, на дороге, притормозил большой черный автомобиль, из которого выскочил бородатый крупный мужчина в темном костюме и побежал прямо к летней веранде. Одним движением перемахнул через забор.

— Элла... Элла! — стальным голосом произнес мужчина. — Так, что происходит?

— Ты посмотри, что она со мной сделала... — плачущим голосом пожаловалась обозленная незнакомка, указывая на свое испачканное платье.

Мужчина оглядел перепачканное платье своей супруги, затем перевел взгляд на Риту.

— А, это вы тот самый Евдоким, — мрачно произнесла Рита. — Тот юрист, который меня в тюрьме должен сгноить, как мне недавно пообещали...

— Уберите телефон, девушка, давайте спокойно во всем разберемся, — бросил в сторону Риты Евдоким, тем временем крепко хватая за плечи рыдающую супругу, которую, как оказалось, звали Эллой. «Она уже и рыдает... — обреченно подумала Рита. — Что же я натворила! Но этот Евдоким, кажется, адекватный человек, кулаками не стал с ходу махать, собирается сначала все выяснить...»

— Давайте разберемся, — кивнула Рита.

— Ты представляешь, иду я мимо, а эта деваха со мной вдруг здороваётся... Я с ней тоже поздоровалась на всякий случай — думаю, может, просто какая-то знакомая... — всхлипывая и пошатываясь в руках мужа, зачатила Элла.

— Ложь, — вздрогнула Рита. — Вы сами подошли ко мне, дама. Если тут есть где-то видекамера на здании, то она должна этот момент зафиксировать. Очень жалею, что не сразу стала снимать всё это безобразие. Вы подошли и стали оскорблять меня.

— Элла? — Евдоким слегка встряхнул за плечи свою жену.

— Да она врет всё! Пусти... Ты сам посмотри, она в меня мороженым швырнула, в кого она меня превратила!

— Только после того, как вы, гражданка, меня называли «горой жира». А до того самым бесцеремонным образом распекали — как я могу есть мороженое при моем весе... И дали неутешительный прогноз на мое будущее и на мою личную жизнь... Только тогда я и кинула в вас мороженым, — с холодной яростью произнесла Рита. — Вы просто удивительного мастерства провокаторша!

— Я ничего вам не сделала, а вы... — Элла с легкостью опять перешла с «ты» на «вы». Повернула голову к мужу: — Послушай, у нас ведь есть все основания засудить эту хулиганку? Она долж-

на заплатить за испорченную одежду, за моральный ущерб, в конце концов?

И тут случилось нечто странное.

Вместо того чтобы поддержать свою жену, бородатый Евдоким вдруг потянул ее в сторону, к выходу.

— Что ты делаешь? — затрепетала в его руках нахальная блондинка.

— Элла, мы не будем ни с кем судиться.

— И мы оставим всё вот так?!

— Пожалуйста, я тебя прошу, детка... — Бородатый Евдоким наконец дотащил Эллу до своей машины, запихнул жену в салон. Хлопнула дверца, и машина сорвалась с места...

Рита еще пару минут стояла посреди летнего кафе, растерянная и ошеломленная. Она не могла понять, что именно сейчас произошло, как относиться к этому скандалу, случившемуся вдруг, на пустом месте, и так же стремительно закончившемуся.

— Ладно... — наконец махнула она рукой и побрела к выходу. У киоска с газетами остановилась, посмотрела на свое отражение в стекле.

Не худышка совсем, да. Но и не гора жира, как только что Риту назвали! «Муж вас бросит», — безапелляционно заявила Элла Рите. «А разве худых не бросают? Разве не бросают умных, красивых, успешных?» — мысленно возразила своей противнице Рита.

Она повернулась, оценивающе оглядела себя сбоку. Талия есть, есть и высокая грудь, и вот еще сзади выдающаяся часть... Все эти соблазнительные формы упакованы в цветастое длинное платье, а образ завершают задорные светлые кудряшки. Словом, симпатичная девушка сейчас смотрела на Риту в отражении. Пожалуй, немного пышка, надо честно признать. Но именно пышка, а не толстуха. Или все-таки окружающие видят в Рите толстуху?

Рядом раздался автомобильный сигнал. Рита вздрогнула, оглянулась — из черной машины, остановившейся напротив, вылез тот самый бородач, муж Эллы. Как его... Евдоким. К счастью, Эллы в салоне авто не наблюдалось. Вероятно, мужчина где-то уже успел высадить свою скандальную супругу.

— Подождите, — решительно произнес Евдоким.

— Что? — нахмурилась Рита, невольно отшатнувшись.

— Да не пугайтесь вы так. Инцидент исчерпан. Я не затем, чтобы дальше выяснять отношения. Просто... Вы, пожалуйста, не показывайте никому эту запись на телефоне.

Мужчина говорил спокойно, разгневанным не выглядел. Скорее очень уставшим, даже измученным.

— Не буду. Я и не думала, — вздохнула Рита. — Я... и сама не понимаю, что такое сейчас

произошло. Себя не узнаю, вот что плохо. Странное ощущение... Будто со мной что-то сделали, насильно. Нет, нет, я не собираюсь сбрасывать с себя ответственность, но я действительно виновата. Простите. И у Эллы, супруги вашей, попросите за меня прощения. Нашло на меня что-то!

— Верю. Да и не похожи вы на хулиганку, — усмехнулся Евдоким.

— Самое ужасное, что я действительно первой заговорила с вашей супругой! — Рита схватилась за голову. — Она ничего не придумывала... но... Но как это было? Она прошла мимо, посмотрела на меня. Потом вернулась и встала напротив. Я ем мороженое, у меня сейчас обеденный перерыв, а она стоит и смотрит. Стоит и смотрит прямо на меня в упор! И да, я с ней поздоровалась, я с ней первая заговорила. Но не могла же я молчать, я спросила ее, не знакомы ли мы. А она, ваша жена, говорит, что нет. И потом начинает: что я не имею права есть мороженое, потому что я толстая, что я никогда не выйду замуж... А я ей тогда: «Как не выйду, у меня скоро свадьба!» А она мне: «Муж все равно вас бросит, потому что невозможно жить рядом... рядом... с горой жира». Вот я и кинула в вашу Эллочку мороженым, — шепотом закончила свой бессвязный монолог Рита.

Евдоким прикрыл глаза. Опять вздохнул. Затем спросил устало:

— Вас подвезти, может?

— Что? — опешила Рита. — Нет, я тут работаю, рядом. Нет, нет, спасибо, — Рита махнула рукой.

— Погодите. Как вас по имени, я не знаю, извините...

— Маргарита.

— Маргарита, очень приятно. Меня Евдоким зовут, вы уже знаете. — Мужчина едва заметно улыбнулся. — Вы вот что, Маргарита... Не берите ничего в голову. Вы прекрасная и замечательная, и дай вам бог счастья в супружеской жизни. Дело в том, что моя жена... она иногда чересчур эмоциональная. Лезет куда не надо. — Он взъерошил волосы у себя надо лбом. — Я ее сейчас домой отвез и сразу назад, хотел извиниться перед вами.

— Но в чем-то она права, — с горечью произнесла Рита. — Я правда толстая. И лучше мне не покупать мороженого. Но я же его один раз в год ем, один раз! Да... и я не должна была кидаться им в вашу супругу, Евдоким.

— Так, мороженое. Вы так и не успели им насладиться? Своим любимым лакомством? Давайте как-нибудь встретимся, и я угощу вас мороженым, хорошо? — Евдоким протянул Рите визитку.

— Ой... нет. Но спасибо... — Рита машинально, по привычке сложила визитку Евдокима к себе в сумочку, вытянула — тоже на автомате — свою и протянула ее Евдокиму. — Всего доброго, мне пора!

— До свидания, — вежливо произнес мужчина.

— До свидания! — крикнула Рита. Она перебежала дорогу и зашагала вдоль ограды ботаниче-

ского сада (кованой, старинной, очень красивой) по направлению к главному входу. Рита надеялась найти Марину там.

По дороге Рита размышляла: «Возможно, жена Евдокима сумасшедшая. Да, точно, Элла не в себе. И Евдоким это, конечно, *знает*. Поэтому он сразу встал на мою сторону. Он, верно, уже давно пытается как-то усмирить свою супругу, привык сглаживать все конфликты, которые та затевает. Не в первый раз скандал случился. Элла, наверное, ко многим приставала и до меня. Она просто больной, несчастный человек. Но тогда я совсем скверно поступила... В бедную больную женщину мороженым швырнула, как нехорошо! Поэтому на будущее надо в любой, в любой ситуации держать себя в руках, что бы ни случилось, как бы ни оскорбляли, ни выводили из себя...»

Рита свернула за угол, на центральную улицу. Именно там находился главный вход в ботанический сад «Эдем», который являлся бывшей усадьбой князей Терлецких. Когда-то давно, лет триста назад, князь Андрей Терлецкий, ботаник-любитель, принялся разводить в своей усадьбе диковинные растения. Это занятие продолжили и поддерживали его потомки.

После революции усадьбу национализировали, оставшиеся из рода Терлецких уехали за границу. Не сразу сад превратился в городской парк, любимое место отдыха всех местных жителей. За экспозицией редких растений бережно ухаживали,

и даже в тяжелые годы войны сотрудники ботанического сада сумели отстоять эти живые «богатства».

Но в девяностые годы у бывшей усадьбы опять начался тяжелый период... Денег не было, уникальная экспозиция гибла. Вдруг, словно из небытия, появилась женщина — княгиня Наина Игоревна Терлецкая, гражданка Франции. Она сумела доказать свою причастность к родовой усадьбе и вернула ее себе. Все свои личные средства княгиня бросила на восстановление «Эдема».

Так поменялся статус ботанического сада-музея — он теперь стал частным, хотя, как и прежде, туда мог попасть любой желающий.

Правда, Наина Игоревна, дама энергичная и занятая, хотя и в возрасте (на нынешний момент ей исполнилось шестьдесят семь лет), управляла «Эдемом», находясь довольно далеко от него, — из Франции.

В конце марта этого года ушел на пенсию прежний директор сада, и со дня на день его сотрудники (около двадцати пяти человек в общей сложности) ждали назначения нового директора. Кто станет главным распорядителем этого цветочного рая? Назначит ли Наина Игоревна на эту должность кого-то из нынешних сотрудников, или появится новый человек, со стороны...

У входа в сад, у красивых ажурных ворот, находилась касса. Вход в «Эдем» был платным, но по нынешним временам плата была не особо высо-

кая, к тому же существовало множество льгот для разных категорий граждан. Пенсионерам и маленьким детям и вовсе разрешено гулять по аллеям бесплатно, ну а тем, кто желал приходить в сад каждый день, предоставили возможность купить абонемент на весь год. Абонемент стоил около трех тысяч рублей. Все собранные деньги уходили на содержание сада и на зарплату сотрудникам.

Когда Рита появилась у ворот, у кассы толпилась небольшая очередь, а чуть в стороне, у самого входа, напротив охранника Геннадия (он же проверял билеты) стояла женщина с коляской. И судя по всему, молодая мама в данный момент отчаянно препиралась с охранником.

К ним и направилась Рита.

— ...а я говорю, не положено! — набычившись, вещал Геннадий — угрюмый, корявый дядька лет пятидесяти.

— Но у меня нет с собой денег, понимаете... Я вообще без кошелька сегодня вышла! Где мне еще с ребенком гулять, почему я не имею права...

— Мало ли дворов вокруг, где бесплатно гуляют. И вообще, раз уж вам именно сюда приспичило, купите абонемент, да и ходите сколько влезет!

— Три тысячи ваш абонемент стоит! — яростно сопротивлялась молодая мать, нервно дергая коляску вперед-назад. — Где я такие деньги возьму?

— Геннадий, пропусти девушку, — приблизившись, спокойно произнесла Рита.

— А чего! — нахмурился тот.

— Геннадий, пропусти девушку, ты слышал? — улыбаясь, повторила Рита. — Проходите, пожалуйста, девушка, постарайтесь в другой раз купить абонемент, это очень выгодно...

— Поведились тут, на халяву... — Охранник отступил назад, неохотно пропуская за ворота молодую мать с коляской. — Мы, Маргарит Сергевна, разоримся скоро с такими порядками.

— Мы разоримся, если скандалы будем у входа устраивать, — показав глазами на очередь, прошептала Рита.

— А вы тут не главная, — с презрением произнес Геннадий.

— Да и ты тоже не имеешь права с посетителями ругаться. Послушай, но ведь правда, нельзя так... Это же мама с ребенком! Ладно бы пьяный какой лез без билета!

— Ага, а чего она рожала, если даже трех тыщ на абонемент у нее нет!

— Опять ты чужие деньги считаешь! — шепотом произнесла Рита. Но дальше пререкаться с охранником не стала, прошла на территорию сада.

У административного здания Рита столкнулась с Мариной и воскликнула:

— Вот ты где!

— А ты где была? — всплеснула полными руками Марина, являвшая собой тип настоящей рубенсовской красавицы. Пожалуй, если бы сегодня Элле встретилась не Рита, а Марина с мороженым, то неизвестно, чем бы все закончилось... Возможно-

но, трепетную Эллу просто хватил бы удар, если бы она увидела двадцатикилограммовую продавщицу из цветочного магазина, поглощающую сладкое лакомство.

Рыжеволосая, буйнокудрявая, в ярком зеленом платье, обтягивающем все ее необъятные формы, на фоне начинающих расцветать растений — Марина показалась сейчас Рите богиней Флоры.

— Я на обед ходила. Взяла мороженое, и, ты представляешь, какая-то прохожая заявила, что я с моим весом не имею право его есть...

— Ничего себе. Так и сказала? Тебе? Да ты же худышка по сравнению со мной... И, заметь, я себе ни мороженых, ни пирожных не позволяю! Ем как мышка, и... погоди, я не о том, — сбилась подруга. — Сейчас наши собирались в отделе сукулентов, и Анисимова сказала (ну ты же знаешь, наша Анисимова всегда в курсе всего), что завтра прибудет новый директор! — с торжеством выпалила Марина.

— Ой... А кто он, известно? Или она? — сразу забыв о неприятном инциденте, с любопытством спросила Рита.

— Какой-то Бортник.

— Кто? — вздрогнула Рита. Эта фамилия показалась ей знакомой. — Мужчина или женщина?

— Мужик. Молодой еще, ему всего тридцать, слышала.

— Не Николай ли по имени?

— О, точно. Николай Бортник, Анисимова так и сказала. А ты что, его знаешь?

— Кажется, знаю. Если это тот самый Бортник, конечно, — растерянно улыбнулась Рита. — Коля Бортник, мой однокурсник по биологическому факультету и моя бывшая любовь. Он на два года меня старше. Ему сейчас как раз тридцать должно исполниться, точно. Моя первая любовь, — подумав, добавила она.

— Да?! Послушай, это же отлично! Или нет, наоборот... Ты же замуж выходишь, а тут...

— Марина, Марина, не фантазируй, у нас с Николаем все давно в прошлом, и вообще...

— А ты как, это ты его бросила или он тебя? Если ты его, то я даже не знаю... А вдруг он до сих пор на тебя обижен?

— Нет. Хотя... — покачала головой Рита. — Все гораздо сложнее. Впрочем, это я ему предложила разойтись.

— Потому что он другую нашел? Слушай, а вот он явится сюда в скором времени и поймет, что напрасно расстался с тобой, и его сердце...

— Да нет у него никакого сердца! — сердито засмеялась Рита. — Перестань фантазировать, подобные истории лишь в твоих любимых мелодрамах случаются, но не в обычной жизни. На самом деле всё скучно и банально. Просто мы с Николаем разные люди оказались. Не получилось у нас с ним. Он наверняка сейчас женат, дети у него, возможно. И... и хватит об этом.

Рита ушла к себе в кабинет, закрыла дверь.

Принялась набрасывать план завтрашней экскурсии о цветении первоцветов — для младшеклассников, но с трудом могла сосредоточиться.

Николай Бортник, ну надо же...

Возможно, это совсем другой Бортник, не тот, не Ритин бывший, однако слишком много совпадений. И потом Николай во время учебы был лучшим в группе, получил по окончании вуза красный диплом. Преподаватели прочили ему научную карьеру. Наверное, Терлецкой рекомендовали Николая как перспективного молодого ученого. Хотя работа в ботаническом саду — это немного другая область деятельности. Да, тут многие из работников занимались какими-то исследованиями в области ботаники, писали диссертации, публиковали научные работы... Но директор сада — это тот, кто в первую очередь должен решать насущные бытовые вопросы. Не ученый, но хозяйственник! Где раздобыть материалы для новой оранжереи, когда закупать удобрения для растений... Да, а еще надо организовать слаженную работу всех сотрудников!

После известия о том, что, возможно, скоро здесь появится ее бывший возлюбленный, Рита не знала, печалиться ей или радоваться.

Из-за чего Рита рассталась с Николаем, почему? Все просто и даже смешно — из-за лишнего веса Риты. Она всегда была пухляшкой, сколько себя помнила, с детства «носила» на себе пять-

семь килограмм лишнего веса в разные периоды времени. Когда в Рите было всего лишь килограмм пять лишних (субъективно, конечно, говоря, ибо нет абсолютных критериев для определения того, что является лишним, а что — нет), у нее с Николаем Бортником и случился роман.

Сентиментальный роман... Порядочный юноша и порядочная девушка. Цветы, свидания, сумасшедшие поцелуи, улыбки и шуточки однокурсников.

В сущности, Николай являл собой тип примерного, положительного молодого человека. И увлечения у него, если вспомнить, выглядели тоже какими-то особо «положительными»... Он не пиво распивал в свободное время, а собирал модели машин (игрушечных), рисовал карты каких-то фантастических стран, ходил в туристические походы, играл на гитаре. Каждые выходные юноша был в пути, разведывал новый маршрут. Рита, изнеженная городская жительница, походов не признавала, а вот Николай старался не пропускать их. А уж большую часть летних каникул он посвящал какому-нибудь долговому, далекому путешествию с такими же любителями туризма. Однажды уехал на целое лето вместе с друзьями куда-то на Алтай, что ли. Нет, юноша не изменял Рите с другими девушками (хотя кто знает). Просто однажды, вернувшись из затяжного похода спустя два с половиной месяца, он не узнал своей подруги: Рита за это время умудрилась сильно поправиться. Аж на рекордные десять килограммов.

В тот период Ритина мама уехала за границу, к новому мужу, и Рита осталась одна. Тосковала, страдала, заедала горе шоколадными конфетами... и поправилась неимоверно. А Николай лишнего веса в девушках не признавал. И раньше подсмеивался над ее «аппетитными» формами: незлобно, зато постоянно... Теперь же у Риты было пять плюс десять, уже все пятнадцать лишних килограммов.

Вот так получилось, что с сорок шестого российского размера Рита резво перешла на пятидесятый. Новый гардероб, не слишком удачный, совсем не украсил ее, поскольку девушка покупала в магазинах одежды первое, что попадалось под руку, не разобравшись, что ей идет в этой ее «конфигурации», а что нет... А Николая сильно шокировали те перемены, что произошли с подругой в его отсутствие.

Рита чувствовала, что обновки ей не идут, и поэтому стеснялась, сутулилась, ходила с несчастным, испуганным лицом, не зная, как реагировать на замечания возлюбленного и окружающих, которые всеми возможными способами тоже пытались донести до нее, что она поправилась... Донести — иногда в деликатной форме, иногда довольно грубо и бесцеремонно. Но даже деликатные намеки заставляли Риту страдать. Зачем постоянно напоминать о том, что она поправилась? Она и так знает. И сама от этого не в восторге. Она

сама мечтает вновь похудеть, но ведь за один день сбросить вес невозможно...

От огорчения Рита еще больше стала налегать на бесполезные продукты — сладкие, калорийные, но зато дающие ощущение счастья, удовольствия... Ведь в остальном ее жизнь в новом теле представляла сплошной стресс. За довольно короткое время Рита набрала еще килограмм десять и соответственно еще дополнительных два размера. Теперь она с ностальгией вспоминала себя в пятидесятом размере. Она понимала, что теперь ей еще сложнее сбросить вес, еще больше времени уйдет на это. Именно в этот момент они с Николаем и расстались. Конечно, он не говорил напрямую, что не может встречаться с такой толстухой, как Рита, воспитание ему не позволяло, но всем своим видом каждый раз, когда встречался с ней, Николай выражал и взглядом, и поведением неприятное изумление. И предлагал подруге провериться у эндокринолога. Ведь внезапный набор веса может быть вызван сбоем в гормональной системе! А если дело не в гормонах, то тогда Рита должна срочно сесть на диету и заняться спортом, ну хотя бы начать бегать по утрам или записаться на фитнес...

Николай, вероятно, считал, что подобными высказываниями и советами поддерживает свою подругу, но на самом деле еще больше загонял Риту в стресс, постоянно напоминая, что с ней что-то не так, что надо срочно что-то делать! Бегать по

десять километров утром, отжиматься на тренажерах, потеть до десятого пота... У Риты же сил на физические нагрузки не хватало. Вообще. Мало того что она постоянно испытывала душевные страдания, так ей еще и физическими упражнениями предлагали терзать свое несчастное тело!

Гормоны свои она проверила — с ними все оказалось в порядке. Врач сказал Рите, что ее проблемы с весом — результат скорее нервно-психологического характера, и посоветовал не жесткую диету, а правильное питание и небольшие физические нагрузки.

По воспоминаниям Риты, это было ужасное время. словно весь мир ополчился на нее, и все окружающие твердили только об одном: такой нельзя быть, надо срочно меняться, надо что-то делать!

Диеты не помогали Рите, а эффект от всевозможных лекарственных чудо-средств длился недолго. Да и побочных действий этих лекарств никто не отменял. В результате Рита поправилась еще на десять килограммов.

В один прекрасный день Рита вдруг проснулась с мыслью, что все это ей надоело. Надоело находиться в вечном стрессе, надоело переживать из-за насмешек и подтрунивания окружающих... Будь как будет. Она — вот такая. Пышка. И это данность. Возможно, Рита и дальше продолжит толстеть. И что теперь... Но отныне она будет есть то, что хочет: надоело считать калории, замечать,

сколько времени осталось до сна и сколько после него. Рита решила не терпеть голода вообще.

Первое время, после того как девушка приняла решение дать себе волю, она еще продолжала поправляться. Ее тело требовало шоколадных конфет и жареной курочки, да еще порой и на ночь... Но потом безумный голод вдруг сам по себе стал затихать. Организм понял, что его никто не собирается лишать вкусной пищи. И душа тоже успокоилась, смирилась, когда Рита приняла себя такой, как есть. Ну да, она — пышка. И вот именно тогда, когда Рита перестала думать о еде, она и начала потихоньку худеть.

Спортом всерьез девушка так и не смогла заняться — не ее это. Но зато много ходила пешком в своё удовольствие и два раза в неделю плавала в бассейне. Тоже не изнуря себя, плавать она любила.

Сначала исчезли первые десять килограмм. Потом пропала потребность в жареном, калорийном, сладком. Конечно, если вдруг Рите хотелось съесть что-то не особо полезное, она никогда себе в этом не отказывала. Вот как с мороженым сегодня, например. Захотела и — съела (вернее, попыталась съесть, если бы Элла не помешала).

Абсолютная свобода, которую Рита позволила себе в выборе пищи, в ее количестве, во времени ее приема, дало ей ощущение покоя. Раз можно всё, то уже и не хочется особо запретного пло-

да... Парадокс, но таким образом у Риты ушло еще десять килограмм, без особых усилий и страданий.

И вообще никаких страданий и угрызений совести, сомнений в себе! Рита, все еще оставаясь пышкой, стала прежней — веселой и энергичной. Полюбила вновь одеваться со вкусом, находила наслаждение в нарядах, которые ей были к лицу. Влюбилась, у нее случился роман с братом бывшей одноклассницы, красавцем Львом Олениным... В этих отношениях Рита тоже дала себе полную свободу — пусть будет, как будет, не надо ничего добиваться специально. И вот прекрасный результат — этой весной Лев сделал Рите предложение...

Но сегодняшний день вновь заставил ее задуматься, испытывать угрызения совести, чувствовать себя не соответствующей современным эталонам. Ах, эта Эллочка-людоедка с ее праведным гневом, направленным против толстух... И завтра здесь появится и Николай. Наверняка узнает Риту, опять сделает большие глаза и скажет с валящей с ног честностью: «О, да ты похудела вроде? Но ты только не останавливайся на достигнутом, у тебя есть еще над чем поработать!»

«И ведь действительно скажет, — думала Рита, сидя в своем кабинете перед погасшим монитором. — Но это ж так сбивает, так мешает — чужая оценка... Вызывает чувство вины, смущение. Вот зачем я съела сегодня мороженое? А если это начало очередного приступа обжорства? Лев готов

принять меня в моем размере, совсем не маленьком, да, но если я опять поправлюсь килограмм на двадцать — как мой любимый к этому отнесется? А что тогда делать со свадебным платьем, что висит у меня дома в шкафу, которое было куплено месяц назад, вместе с Варей, после долгих поисков и сомнений? Оно мне чуть тесновато при примерке было... А вдруг я в это платье не влезу в день свадьбы?!»

Рита поняла, что боится повторения своей прежней жизни, того, что случилось с ней при Николае. Не он, конечно, был виноват в ее проблеме, но этот мужчина из ее прошлого, Николай Бортник, являлся теперь мощным напоминанием о ней.

«Придет, посмотрит, скажет что-нибудь...» — крутила Рита уже по десятому разу в голове, пока самой не надоело наконец. Она мысленно закричала: «Да он никто мне теперь, не имеет права делать мне замечания!..»

И вообще, может, бывший возлюбленный, когда появится здесь, увидит пусть и не худышку, но прежнюю, яркую Риту (каковой она себя чувствовала при первом знакомстве с Николаем). Да, может, Николай в нее влюбится опять?

Кажется, в первый раз Рита пожалела о том, что не привязана ни к одной из социальных сетей. Так она была бы в курсе жизни своих бывших приятелей, и Николая в том числе. Может, тот давно и счастливо женат, и Рите сейчас даже смысла нет

думать о его реакции, когда он вновь встретит ее, свою бывшую возлюбленную...

Но Рита избегала социальных сетей давно и сознательно. Если вспомнить, то именно с сетей и началась ее депрессия. Эти бесконечные споры о толстых и худышках на форумах, яростные проклятия известных блогерш в адрес тех, кто весил больше обычного, в противовес этому — ответные выступления толстух в защиту лишнего веса, обсуждения диет и всевозможных лекарственных средств...

Рита ушла из виртуального мира, в котором велась непрерывная битва толстых и тонких, она сознательно устранилась от этой нескончаемой войны, постаралась сохранить нейтралитет и, что главное, свои нервы.

«Но не могу же я всю жизнь от всех прятаться! — с отчаянием напомнила она себе. — Сколько ни закрывай уши, все равно услышишь от кого-нибудь гадость... Вот как сегодня, с этой Эллой. И обязательно найдется человек, который скажет, что помнит меня прежней, или новый знакомый безапелляционным тоном заявит, что мне надо худеть, потому что полнота — это безобразно и вызывает проблемы со здоровьем. Я должна быть готовой ко всему, к любому удару судьбы. Удару? Не слишком ли много я на себя беру? Пряму душевную травму мне нанесли сегодня... Если я хочу стать счастливой, я не должна реагировать на внешние раздражители, не должна зависеть

от оценки окружающих и главное — от своих страхов...»

Рита полезла в сумочку за носовым платком и вдруг наткнулась в ней на визитку: «Евдоким Алексеевич Рудин, юрист, специалист по авторскому праву». И номера телефонов.

«Откуда это? А, это Эллочкин муж мне сунул. Вроде нормальный мужик, непонятно только, зачем он живет с этой особой, которая, кажется, не вполне адекватна... Стоп, сдался мне этот Евдоким Рудин! И какая разница — адекватна данная мадам или чокнутая?.. Мне нет дела до жизни этих людей!»

* * *

Евдоким оставил машину на подземной стоянке, поднялся в свою квартиру. И сразу после того, как открыл входную дверь и крикнул: «Элла, это я! Ты дома?» — понял, что сегодня предстоит скандал. Потому что ему никто не ответил. Лишь откуда-то из глубины квартиры доносилось невнятное бормотание телевизора. Жена точно находилась дома, но отзываться не собиралась.

В обычное время Элла всегда выходила мужу навстречу, обнимала, спрашивала, как дела. Когда жена была дома, но висела вот такая неопределенная, относительная тишина, наполненная лишь посторонними звуками или шумом бытовых приборов, — эта тишина означала приближение грозы. Грома и молний.

Можно было, конечно, не соваться в эпицентр урагана и сразу пройти в ванную, на кухню или спрятаться в своей комнате. Словом, сделать вид, что ничего не происходит. Но, как давно понял Евдоким, так только хуже. Если не обращать на Эллу внимания, обходить ее стороной — электрический разряд не уменьшится, а, наоборот, начнет неудержимо накапливаться. И тогда только держись...

Евдоким, предварительно постучавшись и не дождавшись ответа, зашел в комнату к жене.

Элла, переодевшаяся в домашнее платье, сидела на диване перед телевизором, положив ногу на ногу, а руки — скрестив на груди. Опасная поза, от которой тоже не следует ждать ничего хорошего. Добрая Элла обычно мягко-расслабленная, как кошечка, уютно свернувшаяся в клубочек, или разнеженно-вытянувшаяся, словно лениво потягивающаяся...

— Я вернулся. Ты чего не отзываешься-то?

Элла молчала, даже головы не повернула.

— Послушай, детка. Давай вот не будем опять...

— Пошел к черту! Скотина, — не поворачиваясь, быстро ответила Элла звенящим от ярости голосом.

— Почему я в этот раз скотина? — вздохнул Евдоким. «Ладно. Раз надо тебе выговориться — так выговорись уж побыстрее...» — мысленно обратился он к жене.

— Ты не стал меня защищать. Ты — мой муж, ты всегда должен быть на моей стороне.

— Я на твоей стороне, — миролюбиво произнес он.

— Ты видел, что эта тварь со мной сделала? Ты видел?!

— Ничего страшного. Платье тебе испачкали? Отстирается. Или в химчистку можно сдать. А давай тебе еще новое платье купим, а? И не одно, а несколько! Это же прекрасный повод сменить гардероб! Может, махнем в торговый центр? Я сегодня совершенно свободен, в суд ехать не надо, с документами работать — тоже...

— Ты издеваешься, — большим голосом произнесла жена и откинулась назад, на спинку дивана, лицом вверх — словно у нее силы кончились вмиг. — Зачем ты делаешь вид, будто ничего страшного не произошло? Тебя бы чем окатили, да еще нарочно! Ты понимаешь, что эта жирная тварь в меня кинула мороженым?

— Так. Давай поговорим об этом. Почему эта девушка сделала это. Почему же?

— Какая разница... Ты должен был меня защитить. Ты...

— Элла, ты же сама к ней привязалась, это ты ее спровоцировала, понимаешь? И ты не в первый раз задираешь прохожих. Ты вынуждаешь окружающих людей вести себя агрессивно, а потом пытаешься и меня втянуть в этот скандал. Я не хочу в этом участвовать, мне надоело.

— Значит, если меня начнут убивать, ты будешь стоять рядом и спокойно смотреть на это?

— Если тебя начнут убивать, я постараюсь тебя спасти. Но если в сложившейся ситуации нет никакой угрозы для твоей жизни и здоровья, я и в следующий раз не стану ничего предпринимать, просто опять утащу тебя с места происшествия. Чтобы ты поняла наконец — я в скандалах на публике участвовать не буду.

— Ты предатель! Ты предатель, ты это понимаешь?

— А ты — та еще провокаторша.

— Она сама со мной первая заговорила, эта корова...

— Так, ладно, почему она с тобой заговорила?

— Откуда я знаю, — несчастным голосом произнесла Элла. — Я просто шла мимо. Посмотрела на нее — ну так, мельком... Случайно. А она мне: «А мы разве знакомы?» — скрипучим голосом передразнила Элла.

— А дальше что?

— А дальше она кинула в меня мороженым.

— И ты не говорила с ней больше ни о чем, не называла эту девушку толстой, не поведала ей злорадно, что она никогда не выйдет замуж, а потом, когда эта Маргарита возразила, что у нее скоро свадьба, разве не ты заявила ей о том, что муж все равно ее бросит? Разве не так все было? Нет?

Элла выпрямила спину, повернула лицо к Евдокиму, посмотрела на него полными слез огромными серыми глазами:

— Маргарита?! Ты что, с ней общался?

— Да. Отвез тебя и вернулся обратно. Извинился. Мне не все равно, поверь, я каждый раз пытаюсь разобраться в происходящем. Но это оказалась нормальная, добрая девушка, которая сама от себя не ожидала подобного поступка... Она в шоке — от тебя, от самой себя, от всей этой ситуации.

— И ты ей поверил, не мне?

— Не знаю. Ты ведь часами сидишь на этих форумах в Сети, я же в курсе, в чьи блоги ты постоянно заходишь... В те, на которых обсуждают, какие все вокруг жирные коровы. Знаю я этих популярных блогерш, зожниц и фитоняш... — подумав, добавил Евдоким.

— Ты следил за мной?

— Ну как, остаются же в истории компьютера ссылки на все те сайты, куда ты заходила... Я не случайно, честное слово.

— Ты следил за мной?!

— Нет, — неуверенно буркнул Евдоким и вышел из комнаты. Отправился на кухню, заварил себе чай.

В самом деле следил ли он за своей женой? И да и нет. Евдоким не ревновал Эллу — повода она не давала. Но он пытался *понять* свою жену.

Что она за человек, о чем думает, чего хочет, как сделать эту женщину счастливой?

У Эллы имелась своя страничка в одной популярной соцсети. Там жена выставляла свои фото, с ним, с Евдокимом, или с подругами в кафе, или публиковала селфи с пробежки в парке; время от времени жена постила, как и многие, котиков, щеночков; делилась какими-то забавными открытками, цитировала мысли известных людей... Сплошное мимими. На первый взгляд все мило, невинно и безмятежно — страничка молодой, счастливой женщины, пусть и не работающей нигде, но живущей полной жизнью.

Еще Элла посещала блоги известных сетевых журналисток, которые в основном призывали женщин следить за своим весом, внешним видом и то ругали, то хвалили известных персон — в зависимости от того, потолстели те или похудели. Вроде бы тоже ничего криминального, но уж больно агрессивно порой и хозяйки этих блогов, да и их читательницы отзывались о тех, кто не вписывался в рамки современных стандартов.

Евдоким искренне не понимал, зачем все это надо людям — комментировать чьи-то задницы. Днями, неделями и месяцами — одно и то же. И главное, почему обсуждение чужих недостатков столь сильно волновало Эллу? Но, выходит, волновало, раз она решила и в реальность перебросить этот форумный негатив...

Все началось прошлым летом. Евдоким и Элла ехали от знакомых из дальнего Подмосковья, по дороге увидели реку, пляж. Заманчиво серебрилась вода на солнце, трепетали полотняные зонтики на ветру, доносился смех в приоткрытое окно машины... Вполне приличное, ухоженное место, судя по всему. Элла решила искупаться, благо купальник имелся под рукой. Но дальше случилось нечто странное. Когда они оба вышли на берег и оказались среди загорающих, Элла схватила мужа за руку и произнесла негромко, но довольно отчетливо и, главное, с отвращением и презрением, которые явно сквозили в интонациях ее голоса: «Боже, ты только посмотри! Это не пляж, а какое-то лежбище жирных тюленей...»

Какая-то полная дама, отдохавшая совсем рядом, на лежаке, услышала эту фразу и мигом подскочила, сдвинув на кончик носа солнцезащитные очки: «Так, а кто это к нам, тюленям, пожаловал? Сушеной вобле здесь не место!»

Элла вдруг схватилась за сердце, повернулась к даме и произнесла теперь уже громко дрожащим от возмущения голосом: «Как вы меня назвали? Сушеной воблой?» «Послушайте, так нельзя!» — возмутился Евдоким, повернувшись к даме.

Откуда ни возьмись появился муж плотной дамы, вступился за жену... Начался скандал, дело чуть не до драки дошло, но, к счастью, появилась охрана, развела две противоборствующих стороны.

Тогда еще Евдоким ничего толком не понял, что же это такое произошло. Ехал в машине, пытался успокоить сидевшую рядом рыдающую жену (искупаться так и не получилось) — что, мол, ничего страшного, недоразумение...

Потом, уже осенью, Элла на вокзале в Москве опять осуждающе и прямо в лицо высказала свое «фи!» полненькой девице, на ходу жующей белаш... Девица оказалась не из тех, кто готов снести любое замечание, и тоже возмутилась. Опять дело чуть не кончилось дракой. Жена, похоже, считала своим долгом отчитывать полных людей за то, что они едят, пьют, любят и носят обтягивающую одежду.

А что было в феврале, когда они, Евдоким с Эллой, летели в Италию, а рядом с ними в салоне самолета расположилась дама весьма объемной комплекции... Элла тогда целый спектакль устроила, как только их обоих не высадили... Именно тогда Евдоким и понял, что у его жены какой-то пунктик насчет лишнего веса у окружающих ее дам.

Но если бы дело только этим пунктиком и ограничилось...

— Куда ты ушел? Мы еще не договорили. — Дверь распахнулась, и на кухню ворвалась Элла.

— Хочешь чаю? — обреченно предложил Евдоким.

— Ты тряпка, ты это знаешь? Ты не способен постоять за меня. Рядом с тобой я не чувствую себя в безопасности.

— Я тебе не нянька. Мне это все надоело. На. — Евдоким протянул ей чашку.

Элла оттолкнула его руку, чай пролился на пол, обжег Евдокиму руку.

— Черт, ты совсем рехнулась, мать, — сморщился он, сунул руку под кран с холодной водой.

— Я тебе не мать. Твоя мать, если ты помнишь, была сам знаешь кем... И как только ее твой отец терпел...

— Элла, я тебя прошу, не трогай мою маму, — уже с угрозой произнес он.

— Ты и ее защищаешь, да? Ты всех защищаешь, только не меня... — Жена с размаху дала Евдокиму пощечину. — Скотина! Урод! Ну ударь меня, ударь! — закричала она ему прямо в лицо, подойдя совсем близко.

Это был тот самый момент, которого Евдоким больше всего боялся. Каждый раз он давал себе слово — всё, случись еще так, он найдет в себе силы сдержаться. И каждый раз проигрывал эту битву. Потому что Элла уж неизвестно как, но умела закрутить ситуацию до самого предела.

Раз — и он срывался.

Вот и в этот раз вопреки всем своим надеждам он не выдержал и ударил жену. Вернее, схватил ее за волосы и отшвырнул от себя. А чего там швырять хрупкую, маленькую, тоненькую женщину... Она взяла да как пушинка через всю кухню и перелетела. Элла буквально впечаталась в противо-

положную стену и даже как будто прилипла к той на мгновение. А затем медленно сползла вниз, оставляя на стене темно-красный след. Рухнула на пол, подогнув тонкие босые ноги. Подняла лицо вверх — из носа у жены текла кровь, на скуле темнела, наливаясь малиновым, ссадина. «Что я наделал...» — с мрачным отчаянием подумал Евдоким.

Элла качнулась, застонала. И зарыдала, сцепив перед собой руки, с текущей по лицу кровью, зарыдала страшно, как в последний раз в жизни. Она рыдала, а он стоял и молчал, не понимая, как такое опять могло произойти. Как он мог поднять руку на эту маленькую, хрупкую женщину, на свою жену, единственного родного человека, оставшегося у него в жизни...

Холодный ужас все сильнее и сильнее захватывал Евдокима. И совсем не важно было, что Элла сама и довела эту ситуацию до точки кипения. Мало ли что она там довела, но он-то мужик — должен был сдержаться и не бить женщину до крови!

Евдоким упал, вернее, тоже рухнул на пол, на колени, попытался обнять Эллу:

— Прости...

— Оставь меня... оставь меня! — сдавленным голосом, сквозь рыдания прошептала жена. Оттолкнула Евдокима, опять зашла в страшных рыданиях, от которых у него холодело сердце.

— Дай я посмотрю... у тебя кровь.

— Уйди!

— Послушай, надо к доктору...

— Уйди, я сказала.

— Я идиот. Я скотина.

Евдоким пытался обнять жену, она отталкивала его руки и рыдала, рыдала... До тех пор, пока силы у нее не кончились. Тогда Евдоким отнес ее в ванную, там принялся осторожно отмывать от крови.

— На вот пакет со льдом, приложи к переносице и к скуле. Держи, держи, я тебя умоляю! Где еще болит? Здесь? Здесь?

Элла уже не рыдала, а просто подергивалась, словно в агонии.

Евдоким перенес жену на кровать, задернул шторы, чтобы вечернее солнце не беспокоило заплаканные глаза жены. «Когда это вечер успел наступить, ведь только что утро было?» Мужчина лег с Эллой рядом, обнял ее. «Как я мог... ее, которая нежнее нежного...» Он целовал жену в мокрые волосы, целовал ее руки.

— За что ты меня ненавидишь, за что... — едва слышно, со стоном пробормотала она.

— Я тебя люблю.

— С такой злостью, с такой яростью... Опять руку на меня поднял! Ты меня точно ненавидишь. Я тебя раздражаю, я давно заметила.

— Я тебя люблю! Ты меня своей пощечиной просто спровоцировала...